

ISSN 2658-4034

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Volume 11, Number 6
2020



ISSN 2658-4034

**RUSSIAN JOURNAL
OF EDUCATION
AND PSYCHOLOGY**

**Основан в 2009 г.
Том 11, № 6, 2020**



Главный редактор – **П.А. Кисляков**
Зам. главного редактора – **Т.М. Аминов, Т.А. Магсумов**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

**RUSSIAN JOURNAL
OF EDUCATION
AND PSYCHOLOGY**

**Founded in 2009
Volume 11, Number 6, 2020**



Editor-in-Chief – **P.A. Kislyakov**
Deputy Editors – **T.M. Aminov, T.A. Magsumov**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2020
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2020

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Russian Journal of Education and Psychology, Том 11, № 6, 2020, 62 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-74551 от 07.12.2018) и Международным центром ISSN (ISSN 2658-4034).

Журнал выходит ежемесячно

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,252.

Адрес редакции и для корреспонденции:

РФ, 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

Адрес издателя в РФ: 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

Адрес издателя в Таджикистане: г. Душанбе, ул. М. Шерализаде, 6

E-mail: editor@rjep.ru

<http://rjep.ru>

Учредитель и издатель: ООО «Научно-инновационный центр»

Russian Journal of Education and Psychology, Volume 11, Number 6, 2020, 62 p.

The edition is registered (certificate of registry PI № FS 77-74551) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2658-4034).

The journal is published monthly

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,252.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

Publisher (Russian Federation): 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127

Publisher (Tajikistan): 6, M. Sheralizade Str., Sino district, Dushanbe

E-mail: editor@rjep.ru

<http://rjep.ru>

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2020

Члены редакционной коллегии

Психологические науки

Белоусова Алла Константиновна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Психология образования и организационная психология», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Дмитриева Елена Ермолаевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры специальной педагогики и психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Елианский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, Российская Федерация);

Коржова Елена Юрьевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Маришук Людмила Владимировна – доктор психологических наук, профессор, кандидат педагогических наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии, Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске (Минск, Республика Беларусь);

Пергаменик Леонид Абрамович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и семейной психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Республика Беларусь);

Прохоров Александр Октябрьнович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация);

Прыгин Геннадий Самуилович – доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО "Набережночелнинский государственный педагогический университет" (Набережные Челны, Российская Федерация);

Ситников Валерий Леонидович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи института детства, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии, профессор

Российской академии образования, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет» (Москва, Российская Федерация);

Фурманов Игорь Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта, Российский государственный социальный университет (Москва, Российская Федерация);

Щербакова Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Педагогические науки

Agata Cudowska – prof. dr hab., University of Białystok (Белосток, Польша);

Bădicu Georgian – Ph.D., Professor, Transilvania University from Brasov (Брашов, Румыния);

Bohdana Richterová – Ph.D., Assistant Professor, University of Ostrava (Острава, Чехия);

Sofija Vrcelj – Ph.D., Professor, University of Rijeka (Риека, Хорватия);

Jasminka Zloковиć – Ph.D., Professor, University of Rijeka (Риека, Хорватия);

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Российская Федерация);

Бабаян Анжела Владиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (Пятигорск, Российская Федерация);

Барахович Ирина Ильинична – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры Технологии и предпринимательства, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Российская Федерация);

Бердичевский Анатолий Леонидович – доктор педагогических наук, профессор, Университет прикладных наук Вены (Вена, Австрия);

Быстрицкая Елена Витальевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теоретических основ физической культуры, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Власюк Ирина Вячеславовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (Волгоград, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ «НИИ Педагогики и Психологии» (Чебоксары, Российская Федерация);

Ежкова Нина Сергеевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула, Российская Федерация);

Зосименко Оксана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, специального образования и менеджмента, член-корреспондент Академии международного сотрудничества по креативной педагогике, Сумский областной институт последипломного педагогического образования (Сумы, Украина);

Ившина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Мухаметшин Азат Габдулхакович – доктор педагогических наук, профессор, первый проректор, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет» (Набережные Челны, Российская Федерация);

Мухина Татьяна Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Руднева Елена Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики Института образования, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация);

Сатторов Абдуракул Эшбекович – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и геометрии, Бохтарский госуниверситет имени Носира Хусрава Республики Таджикистан (Бохтар, Республика Таджикистан);

Серякова Светлана Брониславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, Российская Федерация);

Синагатуллин Ильгиз Миргалимович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск, Российская Федерация);

Соловьев Александр Николаевич – доктор педагогических наук, декан факультета довузовской подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Москва, Российская Федерация);

Федотенко Инна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого (Тула, Российская Федерация);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» (Владивосток, Российская Федерация);

Щербакова Елена Евгеньевна – доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры Общей и социальной педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Российская Федерация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2658-4034-2020-6-7-16

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Мальцева А.А.

Актуальность исследования ситуации воспитания ребенка с инвалидностью рассматривается с позиции медицинского и социального подхода, несмотря на то, что данная проблема имеет большое психологическое значение. Рождение ребенка с нарушениями в развитии, постановка диагноза является сильным психотравмирующим переживанием для семьи, ее структурных преобразований. В связи с этим, для того чтобы справиться со сложившимися обстоятельствами, родители используют деструктивные или конструктивные формы поведения, у них формируются личностные черты, позволяющие справиться с постоянным стрессом. Новизна проведенного исследования заключается в проведении сравнительной оценки личностных особенностей родителей, оценке использования ими механизмов психологических защит, анализе психотравмирующих ситуаций и неблагоприятных объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование личностных изменений. По результатам исследования у родителей, воспитывающих детей-инвалидов обнаружены: высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, использование механизма психологической защиты – реактивные образования.

Цель. *Статья посвящена исследованию личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов под влиянием объективных и субъективных факторов. Целью исследования является анализ этих особенностей.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют клиничко-психологические, психодиагностические методы, а также, методы описательной и сравнительной статистики.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что у родителей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии по сравнению с родителями, воспитывающими здоровых детей, были выявлены высокий уровень ситуативной тревожности, повышенное чувство вины и депрессии, использование такого механизма психологической защиты, как реактивные образования.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере реабилитационных мероприятий и оказания психологической поддержки родителей, воспитывающих детей-инвалидов.*

Ключевые слова: *личностная тревожность; ситуативная тревожность; депрессия; вина; хронический стресс; самоуничтожение; депрессия.*

PERSONAL FEATURES OF PARENTS RAISING DISABLED CHILDREN

Maltseva A.A.

The relevance of the research of the situation of child rearing with disabilities is considered from the position of a medical and social approach, despite the fact that this problem is of great psychological importance. The birth of a child with developmental disorders, the diagnosis is a strong psychotraumatic experience for the family, its structural transformations. In this regard, in order to cope with the current circumstances, parents use destructive or constructive forms of behavior; they form personal traits that

allow them to cope with constant stress. The novelty of the study consists in conducting a comparative assessment of the personal characteristics of parents, evaluating their use of psychological defense mechanisms, analyzing psychotraumatic situations and unfavorable objective and subjective factors that affect the formation of personal changes. According to the results of the study, parents raising children with disabilities found: a high level of situational and personal anxiety, the use of the mechanism of psychological protection-reactive formations.

Purpose. *The article is devoted to the research of the personal characteristics of parents raising disabled children under the influence of objective and subjective factors. The purpose of the research is to analyze these features.*

Methodology. *The research is based on clinical and psychological, psychodiagnostic methods, as well as descriptive and comparative statistics.*

Results. *The results of the work are that parents raising children with developmental disabilities, compared with parents raising healthy children, showed a high level of situational anxiety, increased feelings of guilt and depression, and the use of such a mechanism of psychological defense as reactive formations.*

Practical implications. *The research results can be applied in the field of rehabilitation measures and the provision of psychological support to parents raising disabled children.*

Keywords: *personal anxiety; situational anxiety; depression; wine; chronic stress; self-deprecation; depression.*

Введение

В настоящее время, актуальность исследования ситуации воспитания ребенка с инвалидностью, рассматривается с позиции медицинского и социального подхода, несмотря на то, что данная проблема имеет огромное психологическое значение, особенно, в связи с тем, что одним из условий успешной реабилитации ребенка, является вовлечение семьи в реабилитационный процесс, активное взаимодействие с родителями, ребенком и специалистами. (Мамайчук И.И., Шипицина Л.М., Кабанов М.К.). Возникают случаи, когда родители оказываются неготовыми к такому взаимодействию, они не осведом-

лены, в какие учреждения обращаться за помощью, часть семей не доходят до посещения реабилитационных центров или препятствуют оказанию специализированной медицинской помощи, по причине неприятия и отрицания наличия проблем у ребенка [1, с. 55].

Дети с особенностями в развитии (в частности, в нашем исследовании мы рассматриваем неврологические патологии) склонны к формированию «выученной беспомощности» (М. Селигман), при этом у родителей, возникают разные типы реагирования на сложившиеся обстоятельства: гиперопека, агрессия, вина, активная открытая или закрытая пассивная позиция [4, с. 53].

Существует исключения среди родителей, которые способны мобилизовать личностные ресурсы и справиться с проблемой [2, с. 62]. Согласно статистическим данным, все же чаще встречаются родители, которые используют деструктивные формы реагирования, не принимают ситуацию и иррационально анализируют обстановку [13]. Можно предположить, что существуют преморбидные личностные характеристики, которые активизируются при возникновении стрессовой ситуации.

Стрессовая ситуация в данном случае требует отдельного рассмотрения, ведь рождение ребенка с особенностями, постановка неврологического диагноза являются первоначальным психотравмирующим событием для родителей [11]. В дальнейшем, на протяжении всей жизни при воспитании ребенка родители находятся в ситуации постоянного стресса и нуждаются в оказании психологической поддержке и реабилитации [3, с. 227].

Эйдемиллер Э.Г. указывает на то, что у родителей воспитывающих детей с отклонениями в развитии происходит переосмысление жизненных ценностей, изменения в функционировании семьи на динамическом и структурном уровне [10, с. 180].

Зайцев Д.В. выделяет классификацию изменений в семье и новых функций, образующихся при воспитании ребенка с особенностями в развитии:

1) Реабилитационная функция состоит в том, чтобы повысить положительную динамику психического и физиологического состояния ребенка, адаптировать и приспособить его к социальной среде;

2) Корректирующая функция направлена на устранение негативных симптомов (например, стереотипии в поведении у детей аутистов), сглаживание недостатков, коррекцию эмоционально-поведенческих расстройств;

3) Компенсирующая функция, направленная на поиск сильных сторон, замещение недостатков положительными качествами, включение творческого потенциала (например, занятия арт-терапией).

На структурном уровне происходят психологические и социальные изменения под влиянием субъективных (индивидуально-психологические особенности, преморбидные личностные черты) и объективных факторов (трудовая занятость, состав семьи, материальное положение) [15]. В соответствии с перечисленными факторами зависит то, сможет ли семья получить необходимую медицинскую и социальную помощь, обеспечить постоянные занятия специалистов (психологов и логопедов) с ребенком, доступность/недоступность специального или инклюзивного обучения, приобретение коррекционных развивающих методик [9, с. 455].

Периодически у семей возникают недопонимания разногласия в представлении о правильном воспитании ребенка с отклонениями в развитии [12]. Изменяются взаимоотношения между членами семьи, преобразуется сплоченность, может быть несколько вариантов, когда семья за счет появившихся трудностей становится более или наоборот, менее сплоченной [14]. Ряд авторов (Онис Л.) отмечает, что по статистике (34%), чаще всего отцы не выдержав напряжения, уходят из семьи [8, с. 93].

При прохождении реабилитации для детей с ЗПР, ЗППР, ДЦП, аутизмом и расстройствами аутистического спектра, чаще всего, родители исключались из системы коррекционных мероприятий и занимали пассивную позицию, полностью [6, с. 34], полагаясь на помощь узких специалистов.

На текущий момент, большинство исследователей (Тверская О.Н., Сорокин В.М.,) сходятся во мнении, что необходимо активно включать родителей в реабилитационный и коррекционный процесс, помогать им установить эмоциональный контакт с ребенком, благодаря чему, вследствие тесной связи и непрерывному нахождению с ребенком, родители могут использовать отработанные навыки пси-

психологических занятий и методов, которые помогут малышу адаптироваться в социальной среде [7, с. 4].

Однако, как показывает практика, сами родители нуждаются в психологической поддержке по причине того, что находятся в ситуации постоянного стресса [5, с. 155]. Анализируя личностные особенности родителей, воспитывающих детей-инвалидов, возникает необходимость в разработке программы психологических мероприятий и системы тренинговых занятий, где родители со схожими проблемами будут делиться опытом в воспитании детей с отклонениями в развитии и жизненными ситуациями, с которыми им приходится сталкиваться в воспитательном процессе.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что в процессе воспитания детей-инвалидов в совокупности с различными объективными и субъективными факторами, личностные особенности родителей являются различными, и отличаются от родителей, воспитывающих здоровых детей.

Цель исследования – выявить личностные особенности родителей, воспитывающих детей-инвалидов под влиянием объективных и субъективных факторов.

Для достижения цели и проверки гипотез были поставлены следующие задачи исследования:

- обобщить теоретические подходы к изучению проблемы личностных особенностей в отечественной и зарубежной психологии;
- выявить личностные особенности родителей, воспитывающих детей-инвалидов;
- описать и дать характеристику личностных особенностей родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии.

Материалы и методы

Исследование проведено в городе Анапе на базе медицинского центра «Кортексмед» и частного детского сада «Солнышко».

В исследовании приняли участие шестьдесят человек:

- первую группу составили родители, воспитывающие здоровых детей, посещающих частный детский сад «Солнышко»;
- вторую группу составили родители, воспитывающие детей с неврологическими расстройствами во время реабилитации в специализированном медицинском центре «Кортексмед».

В качестве методов исследования применялись беседа, наблюдение, разработанная индивидуально-психологическая анкета для выявления, социального статуса, влияния субъективных и объективных факторов.

Психодиагностические методики: «Индекс Жизненного Стиля» для выявления использования механизмов психологической защиты; «Шкала тревоги Спилбергера Ханина».

Методы описательной и сравнительной статистики для двух независимых выборок с помощью критерия Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение

С помощью клинико-психологических выводов были получены результаты, подтверждающие предыдущие исследования отечественных и зарубежных авторов, а именно: в беседе при сборе психологического анамнеза и наблюдении за родителями воспитывающих детей с неврологическими расстройствами, были выявлены тревожно-депрессивные расстройства, обвинение себя и окружающих людей, апатия и усталость. В группе родителей, воспитывающих здоровых детей подобных жалоб не было выявлено.

При сравнительной оценке использования механизмов психологических защит с помощью методики «Индекс жизненного стиля» родителями, воспитывающими детей с нарушениями в развитии, было выявлено использование МПЗ – реактивные образования, выявлены различия на уровне статистической тенденции (p -level - 0,056013).

При изучении уровня личностной и ситуативной тревожности с помощью «Шкалы Спилбергера Ханина» у родителей, воспитывающих детей инвалидов обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости (p -level - 0,0030), свидетельствующие о высоком уровне личностной и ситуативной тревожности.

Заключение

1. В группе родителей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии преобладают тревожно-депрессивные расстройства, жалобы на повышенную нагрузку и усталость, чувство вины, которое направлено на себя или обвинение окружающих людей.

2. У родителей, воспитывающих детей с неврологическими расстройствам, отмечается использование механизма психологической защиты – «реактивные образования. Родители, находясь в ситуации хронического стресса, испытывают болезненные переживания и чтобы справиться с ними, интерпретируют травмирующие для них обстоятельства, преобразуя их в противоположные (например, появление новых отрицательных симптомов или стереотипий относят к прогрессу в развитии ребенка, положительной динамике в лечении).

3. В группе родителей, воспитывающих детей с неврологическими расстройствами отмечается повышенный уровень, как личностной, так и ситуативной тревожности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у родителей, воспитывающих детей-инвалидов, отмечается наличие определенных личностных характеристик, эмоциональных и поведенческих особенностей, которые проявляются в использовании механизмов психологической защиты, высоком уровне депрессии, а также, ситуативной и личностной тревожности.

Список литературы

1. Гуслова М.Н. Психологическое изучение матерей, воспитывающих детей инвалидов // Дефектология. 2003. № 3. С. 28–31.
2. Дикая Л.Г. Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т.1. 1991. С. 55–65.
3. Заборина Л.Г. Особенности смысловой структуры мировоззрения родителей детей-инвалидов // Вестник Бурятского университета. 2006. № 10: психология. С. 250–256.
4. Зайцев Д.В. Социологический анализ современной семьи в России // Дефектология. 2001. № 6. С. 52–56.
5. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 2008. 212 с.
6. Рябикина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1995. 170 с.

7. Ткачева В.В. О некоторых проблемах семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии // Дефектология. 1998. № 4. С. 4.
8. Шебанец Е.Ю. Организация психологической поддержки семьям, имеющим ребенка с отклонениями в развитии // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 91–96.
9. Шипицина Л.М. «Необучаемый» в семье и обществе. СПб.: Дидактика Плюс, 2002. 495 с.
10. Эйдемиллер Э.Г. Семейная психотерапия. Л.: Медицина, 1990. 188 с.
11. Diener E., Diener M., Diener C. Factors predicting the subjective well-being of nations // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. vol. 69. pp. 851–864.
12. Kennedi H. Do men need special services // Advances in psychiatric treatment. 2001. №7. pp. 93–101.
13. Leonhard K. Normale und abnorme Persönlichkeiten. Berlin; Volk und Gesundheit. 1964. 363 p.
14. Menzier I.E Thoughts on the maternal role in contemporary society // Journal of child psychotherapy. 2015. no 1. pp. 5–14.
15. Mintzer D. Parenting an infant with a birth defect // Developmental Medicine and Child Neurology. 2016. vol. 13. pp. 635–640.

References

1. Guslova M. N. *Defektologiya* [Defectology]. 2003. № 3. P. 28–31.
2. Dikaja L.G. *Psikhologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Publications]. 1991. V.1. 1991. P. 55–65.
3. Zaborina L.G. *Vestnik Buryatskogo universiteta*. 2006. № 10. P. 250–256.
4. Zajcev D.V. *Defektologiya* [Defectology]. 2001. № 6. P. 52–56.
5. Levchenko I.Ju., Tkacheva V.V. *Psihologicheskaja pomoshh' sem'e, vospi-tyvajushhej rebenka s otklonenijami v razvitii* [Psychological assistance to a family raising a child with developmental disabilities]. M.: Prosveshhenie, 2008. 212 p.
6. Rjabikina Z.I. *Lichnost'. Lichnostnoe razvitie. Professional'nyj rost* [Personality. Personal development. Professional growth]. Krasnodar: Kuban State University, 1995. 170 p.
7. Tkacheva V.V. *Defektologiya* [Defectology]. 1998. № 4. P. 4.

8. Shebanec E.Ju. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2006. № 2. P. 91–96.
9. Shipicina L.M. «*Neobuchaemyj*» v *sem'e i obshhestve* ['Un-teachable' in the family and society]. SPb.: Didaktika Pljus, 2002. 495 p.
10. Jejdemiller Je.G. *Semejnaja psihoterapija* [Family psychotherapy]. L.: Medicina, 1990. 188 p.
11. Diener E., Diener M., Diener C. Factors predicting the subjective well-being of nations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. vol. 69. pp. 851–864.
12. Kennedi H. Do men need special services. *Advances in psychiatric treatment*. 2001. №7. pp. 93–101.
13. Leonhard K. Normale und abnorme Persönlichkeiten. Berlin; Volk und Gesundheit. 1964. 363 p.
14. Menzier I.E Thoughts on the maternal role in contemporary society. *Journal of child psychotherapy*. 2015. no 1. pp. 5–14.
15. Mintzer D. Parenting an infant with a birth defect. *Developmental Medicine and Child Neurology*. 2016. vol. 13. pp. 635–640.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Мальцева Алина Александровна, психолог; аспирант

*Общество с ограниченной ответственностью «Технохолд»;
Кубанский государственный университет
ул. Владимирская, 120, г. Анапа, Краснодарский край, 353454,
Российская Федерация; ул. Ставропольская, 149, г. Красно-
дар, Краснодарский край, 350040, Российская Федерация
alinamaltseva1991@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alina A. Maltseva, psychologist; post-graduate student

*'Technoholod' Limited Liability Company; Kuban State University
120, Vladimirskaaya Str., Anapa, Krasnodar Krai, 353454, Rus-
sian Federation; 149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, Krasnodar
Krai, 350040, Russian Federation
alinamaltseva1991@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3829-9832*

DOI: 10.12731/2658-4034-2020-6-17-30
УДК 159.955.1:159.9.018.5:681'33

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Разумова Л.В.

Цель. Статья посвящена уточнению характера языковых знаний в системе социального знания. Социальное представление (репрезентация) – сложная когнитивная структура. Как социальная форма знания социальное представление служит для интерпретации социальной действительности. Оно позволяет понять и подвергнуть анализу регулирующее действие социальной системы на когнитивную область социальной группы, индивида. Автор ставит целью уточнить основные характеристики языкового представления (языковой репрезентации) и его структуру как формы социального знания. Актуальность статьи определяется, с одной стороны, возросшим интересом к когнитивным разработкам, способных раскрыть сложные механизмы категоризации человеческих знаний. С другой стороны, речь идет о попытке автора применить психологическое понятие представления для уточнения психосоциальных характеристик языковых знаний, в частности – представлений о языковой норме как одной из форм социального знания.

Научная новизна исследования заключается в соотношении социально-психологической и языковой основ языковой репрезентации.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в комплексном анализе взаимодействия социальной среды, функциональной системы языка с его внутренней структурой на примере изучения репрезентации языковой нормы бельгийского и квебекского вариантов французского языка.

Материалом для исследования послужили языковые представления носителей языка о языковой норме территориальных вариантах французского языка Бельгии и Квебека, представленных

в бельгийских и французских грамматиках XVI–XIX вв., квебекских лексикографических работах XVIII – начала XX столетий, в исторических свидетельствах о языке.

Результаты исследования. *Инструментарий социальной психологии, основной единицей которой выступает социальная репрезентация, позволил существенно расширить представление о норме как сложной когнитивной структуре, опирающейся не только на разрабатываемое в обществе научное знание, но и на знание естественное, опытное, которому свойственно неограниченное число инференций, следований, что позволяет установить неограниченное число связей между наблюдаемыми предметами. Соединение научного и опытного знания, социального и индивидуального определяют амбивалентный, рационально-оценочный, с одной стороны, и социально-индивидуальный характер нормы, с другой. Языковая норма как один из типов социальной нормы формируется в процессе взаимодействия нескольких социальных групп, определяющих свое отношение, в том числе и идентификационное, к языку (языковой форме).*

Ключевые слова: *социальные представления; языковые представления; научная и житейская формы знания; социальное и индивидуальное знание; смыслообразующая и организующая функции представления; языковая норма.*

LANGUAGE REPRESENTATIONS AS A FORM OF SOCIAL KNOWLEDGE

Razumova L.V.

The article is devoted to clarifying the nature of language knowledge in the system of social knowledge. Social representation is a complex cognitive structure. As a social form of knowledge of social representation is used for the interpretation of social reality. It allows us to understand and analyze the regulatory effect of the social system on the cognitive domain of a social group, an individual. The author aims to clarify the main characteristics of language representation and its structure as a

form of social knowledge. The relevance of the article is determined, on the one hand, by the increased interest in cognitive developments that can reveal complex mechanisms of categorization of human knowledge. On the other hand, we are talking about the author's attempt to apply the psychological concept of representation to clarify the psychosocial characteristics of language knowledge, in particular, ideas about the language norm as a form of social knowledge.

The scientific novelty of the study lies in the correlation of the socio-psychological and linguistic foundations of linguistic representation.

The theoretical and practical significance of the work consists in a comprehensive analysis of the interaction of the social environment, the functional system of the language with its internal structure by the example of studying the representation of the language norm of the Belgian and Quebec versions of the French language.

***The material for the study** was the linguistic representations of native speakers about the language norm of the territorial variants of the French language of Belgium and Quebec, presented in Belgian and French grammars of the XVI–XIX centuries, Quebec lexicographic works of the XVIII – early XX centuries, in historical evidence about the language.*

***The results of the study.** The tools of social psychology, the main unit of which is social representation, allowed us to significantly expand the idea of the norm as a complex cognitive structure, based not only on the scientific knowledge developed in society, but also on natural, experimental knowledge, which is characterized by an unlimited number of inferences, followers, which allows us to establish an unlimited number of connections between the observed objects. The combination of scientific and experimental knowledge, social and individual, determines the ambivalent, rational-evaluative, on the one hand, and the socio-individual nature of the norm, on the other. The language norm as one of the types of social norm is formed in the process of interaction of several social groups that determine their attitude, including identification, to the language (language form).*

***Keywords:** social representations; language representations; scientific and everyday forms of knowledge; social and individual knowledge; meaning-forming and organizing functions of representation; language norm.*

Актуальность исследования

Публикации последних лет свидетельствуют, что основными проблемами современной когнитивной науки выступают вопросы определения человеческих знаний, их типов, их представленности в сознании индивида и группы, а также их усвоения и использования [Фаликман, 2014; Тагард, 2014; Lakoff G., 1990].

Сегодня для когнитивистского направления характерно, с одной стороны, обращение к анализу сложных ментальных процессов, раскрывающих не только свойства и структуры человеческой психики, но и включенность человека в процесс конструирования и усвоения знания, создаваемого им самими и социальной группой. С другой стороны, современные когнитивные исследования определяются использованием междисциплинарного подхода ввиду привлечения для анализа многочисленных и разнородных предметов исследования, принадлежащих ранее четко отграничиваемым научным дисциплинам (психологии, языку, социологии, экономике и пр.) и которые сегодня рассматриваются все чаще в парадигме сложности и взаимосвязанности. Когнитивная лингвистика, социальная лингвистика – лишь несколько примеров такой междисциплинарной интеграции. Они способны также включать в разной пропорции арсенал средств, методов и понятий других дисциплин, например, социальной психологии. К последним относим привлечение для анализа понятия представления.

Результаты исследования

Представление («воображение» [Рубинштейн, 2002], «мысленные образы», «внутренняя картина» [Солсо, 2002]) – один из важных способов организации знаний в психике человека. Оно включено во все основные виды человеческой деятельности в качестве активного когнитивного компонента. Понятие представления выступает одним из центральных понятий психологии и восходит к понятию «коллективные представления», введенного в научный обиход Э. Дюркгеймом. Дальнейшую разработку понятие «представление», «коллективное представление» получило в работах

представителей французской социальной психологии – ее основателя С. Московичи и его последователей Д. Жоделэ, В. Дуаз, П. Молине [Jodelet, 2015; Moliner, Guimelli, 2015; Doise, 1990] и др. Под социальным представлением принято понимать особый способ конструирования знания, разделяемого в рамках определенной социальной группы [Moscovici, 1990]. В рамках французской школы социальной психологии подчеркивается, что понятие социальной репрезентации позволяет лучше понять связь человека, социальной группы и общества.

Социальный характер коллективно конструируемой формы знания обнаруживает в исторической перспективе и представление о языковой норме, в частности – языковой норме французского языка как на территории самой Франции, так и в ее пространственных вариантах в Бельгии и Квебеке. Представления о языковых нормах данных пространственных вариантах французского языка конструируется в процессе контактирования различных групп говорящих и использования ими различных языковых форм: латинского, французского, многих локальных форм речи.

К основным условиям, необходимым для выработки социальных представлений (репрезентаций) относится, прежде всего, сложность наблюдаемого социального объекта [Moliner, Guimelli, 2015].

Бельгийский и квебекский варианты французского языка выявляют сложный и динамично меняющийся характер репрезентаций языковых норм, функционирующих на данных территориях.

Так, в своем историческом развитии бельгийский вариант французского языка предстает как вариант, существующий в условиях постоянной диглоссии и полилингвизма. Он конструируется на основе множественных письменных и устных языковых форм, языковые нормы которых выступают в истории как опорные друг для друга и одновременно как альтернативные языковые нормы. При этом, письменная и устная формы обнаруживают различные «предпочтения» в выборе своих опорных языковых норм. Обобщение исторических вариантов взаимодействия различных языковых норм на территории Бельгии приводятся в таблице № 1.

Таблица 1.

**Взаимодействия языковых норм на территории Бельгии в I–XVI вв.
по Л. Разумовой (Разумова, 2014а: 121–122)**

| Дата | Лингвистические и экстралингвистические сведения | Устная речь | Письменная речь |
|-------------|---|--|---|
| I–III вв. | Романизация Белгики | Кельтско-франкское двуязычие | Латинский язык с единой языковой нормой |
| IV–VIII вв. | Завоевание Белгики франками и начало дифференциации местных галлороманских и германских форм речи (диалектов) | Кельтско-франкское-галлороманское многоязычие и переход к неустойчивой франкско-галлороманской диглоссной ситуации | Полиномичный латинский язык с альтернативными эволютивными нормами классической латыни и христианской латыни |
| IX–XI вв. | Начало функциональной дифференциации галлороманских и германских форм речи. Первые памятники французского языка | Переход к устойчивой диглоссной ситуации между галлороманскими и германскими формами речи. | 1. Полиномичный латинский язык с альтернативными эволютивными нормами классической латыни и христианской латыни. 2. Полиномичный французский язык с эволютивными языковыми нормами в его территориальных вариантах (скрипты). 3. Полиномичный голландский язык с эволютивными языковыми нормами в его территориальных вариантах. |
| XII–XV вв. | Функциональное закрепление галлороманских форм речи в галлороманской части Бельгии и германских форм речи в голландской части | Переход от романского многоязычия (франко-валлонско-испанского) к франко-валлонской диглоссной ситуации | 1. Полиномичный латинский язык с альтернативными эволютивными нормами классической латыни и христианской латыни. 2. Полиномичный французский язык с эволютивными языковыми нормами в его территориальных вариантах (скрипты). 3. Полиномичный голландский язык с эволютивными языковыми нормами в его территориальных вариантах (скриптах). |
| XVI век | Начало грамматизации и нормализации французского языка | Переход к франко-валлонской диглоссной ситуации | Эволютивный характер разрабатываемой единой нормы французского языка на территории Валлонии. |

В репрезентации языковой нормы квебекского варианта определяющее значение имеют оппозиции 1) разговорная квебекская языковая форма/ письменная форма языка, импортированная из Франции; 2) разговорная квебекская форма французского языка/ английский язык. Функционирование в XIX в. французского языка в Квебеке в условиях усиливающейся социальной миноризации ее носителей приводит к разрыву взаимосвязи литературной и разговорной форм в квебекском варианте. Квебекский вариант отграничивается от языка-основы Франции, создавая собственные узуальные языковые нормы, которые негативно воспринимаются самими носителями языка, а также англофонами Квебека. Они отражены в подавляющем большинстве лексикографических и грамматических работ квебекских авторов XIX в. В исторической перспективе квебекский вариант французского языка обнаруживает все большую дифференциацию норм устной и письменной речи, с одной стороны, и нормы литературного языка и просторечия, с другой. Анализ процессов нормогенеза и репрезентации языковой нормы в квебекском обществе показывает, что квебекский языковой коллектив начинает с XIX века все больше признавать в качестве объективных две языковые нормы: внутреннюю (квебекскую) и внешнюю (французскую), пользующиеся различным социальным престижем среди говорящих: квебекская языковая форма представлена в лексикографических работах этого времени как просторечная, грубая, искаленная, испорченная, неправильная. Внешняя французская – как превосходная, идеальная, как языковая форма длительной литературной традиции [Разумова, 2014б, 2016].

Концентрация интереса социальной группы на отдельные аспекты социального объекта ввиду его важности для социальной группы или ощущаемой лакунарности знаний об этом объекте выступает еще одним неотъемлемым условием для выработки социальных представлений [Rateau, Moliner et al., 2011:478–480].

Для квебекского варианта французского языка важность категоризации своей собственной языковой нормы имела и имеет до настоящего времени идентификационные основания. Преиму-

ественное использование французского языка в среде сельских жителей и только в ситуациях устного, неформального общения закрепляет его социальную и стилистическую маркированность на территории Канады как народной формы речи. В общественном сознании сначала англичан, а впоследствии и самих франкофонов Квебека французский канадский (*français canadien*) приобретает отрицательное коннотативное значение «низкий, неполноценный» и постепенно ассоциируется с понятием *миноритарного языка*. Указанные выше социальные факторы способствуют позиционированию устной формы речи квебекцев как маркера французской идентичности в начавшемся процессе противостояния французской и английской культур в Квебеке. Язык становится мощным фактором их культурной самоидентификации [Разумова, 2014б].

Интерес бельгийского языкового сообщества к языковой норме мотивируется в разные периоды истории различно. Разрабатываемая в XVI веке концепция языковой нормы имеет в Бельгии *практическую направленность*: с одной стороны, разрабатываемые меры направлены на *улучшение качества французского языка* как лучшего языкового образца в ряду всех диалектных форм; с другой – усилия французских и бельгийских грамматистов XVI века направлены на *распространение и усвоение* населением разрабатываемого *качественного узуса*. Основным дидактическим средством для достижения этих двух целей выступают в XVI веке педагогические грамматики. Эта практическая направленность отражена в создаваемых здесь 1) *грамматиках французского языка как иностранного*, изучаемого преимущественно во Фландрии, Нидерландах и западной Германии, и 2) *грамматиках французского языка как родного*, изучаемого в Валлонии. Бельгийские педагогические грамматики сыграли в течение XVI–XIX вв. видную роль в распространении ФЯ на германоязычных территориях. В XVII веке продолжается сближение грамматики как искусства *правильного* пользования языком с риторикой как искусства *хорошо, красиво* строить свою речь. Это слияние риторического и грамматического предопределило возможность появления ново-

го отношения к языку – ценностного, эстетического, а значит – и развития ценностной, эстетической, *моральной нормы*, основанной на принципе «что *должно* делать», конкретным проявлением которого стала в это время идеология пуризма. Позже обе идеологии – практической ценности и корректности входят как нераздельные в конструирование социального представления о языковой норме [Разумова, 2014а].

Из сказанного следует, что языковое представление, как разрабатываемая и разделяемая в рамках социальной группы форма знания, имеет практическую направленность и способствует построению языковой реальности, общей для индивида и социальной группы. Социальные представления о языке, языковой норме позволяют интерпретировать и осмыслять языковые формы, в рамках которых живет индивид и языковая группа. Они передаются от поколения к поколению посредством традиции, системы воспитания и образования, а также социальных форм общения (коммуникации) и связаны, по мнению представителей французской школы социальной психологии, не только с научной, но и с так называемой *естественной мыслью* (*pensée naturelle*) [Jodelet, 2003]. Отличие между естественной и научной (*pensée scientifique*) формами мысли иллюстрируется С. Московичи при помощи следующей таблицы:

Таблица 2.

**Различие между научной и репрезентативной мыслью
по С. Московичи (Moscovici, 1990:558)**

| Научное знание | Естественное знание |
|--|--|
| <ul style="list-style-type: none">- оперирует знаками и концептами;- основано на эмпирической валидности;- отвечает на вопрос «как?»;- имеет фиксированную инференцию;- имеет ограниченное число следователных ментальных операций;- для него доступно лишь ограниченное количество сетей отношений (связей с другими системами). | <ul style="list-style-type: none">- оперирует образами и символами;- основано на валидности по консенсусу;- отвечает на вопрос «почему?»;- имеет возможность выбора инференции;- имеет неограниченное число следователных ментальных операций;- для него доступно неограниченное количество сетей отношений (связей с другими системами). |

Основными качествами репрезентативного знания, согласно С. Московичи являются:

1) *спонтанный формализм* (*formalisme spontané*) – опора в процессе коммуникации не только на научные знания, но и на предсуществующие формулы, клише и стереотипы, отсылающие и (или) устанавливающие между говорящими чувство очевидности знания, что позволяет говорящему «не вдаваться в детали», а *экономить* свои когнитивные усилия;

2) *дуальная целеустановка* (*dualisme causal*) – в отличие от научно-го знания, основанного на строгом следовании причины и следствия, естественное знание опирается на отношение *симультанности* причины и следствия; симультанное указание на ряд социальных ситуаций уже отсылает к возможным связям двух анализируемых событий, указывая тем самым на причинно-следственные отношения между ними;

3) *примат вывода* (*prima de la conclusion*) – если в научном знании вывод *следует* за процессом проверки научной гипотезы, то в рамках естественного знания гипотеза воспринимается как вывод, что позволяет трансформировать гипотезу в аргумент, истинностное суждение; таким образом, социальный актер, оперирующий естественными знаниями, может использовать (и нередко использует) гипотезу как постулат, имеющий неопровержимую силу;

4) *использование принципа аналогии*, что позволяет актору сближать в рамках одного анализа разные и, подчас, разнородные предметы и ситуации действительности, конструируя на их основе различные категории [Moscovici, 1990].

Следует указать, что если научное знание отвергает понятие очевидности и оперирует абстрактными схемами и знаниями, то естественная мысль связывает вещь и слово, наполняя последнее более конкретным содержанием. В результате такой «конкретизации» мысль более не воспринимается как исключительный продукт интеллектуальной деятельности отдельных людей, а видится как отражение некоего внешнего объекта и, как уже отмечалось, может представлять интерес для большого количества говорящих. Подчеркнем, что именно эту логику опоры, как на научные, так и на естественные знания в процессе конструирования самых разно-

образных языковых представлений (в том числе, и о языковой норме, собственном и чужом языке, необходимости реформирования их норм, письменности, терминологических систем и пр.) встречаем в рассуждениях о современных национальных языках. Они же и способствовали нередко существенной социальной вовлеченности говорящих в социальные языковые дискуссии, а также существенным изменениям, произошедшим в области национальных языковых политик многих государств на постсоветском пространстве.

Социальные представления интегрируют разнообразнейшие когнитивные структуры: прототипы (определяемые в социальной психологии как идеальная модель), эталоны и типы (концентрирующие в себе значение определенной категории), сценарии (когнитивные структуры, описывающие нормальную последовательность событий), стереотипы (выступают как «обобщенные схемы восприятия» и хранения знаний, своеобразные усеченные концепты, участвующие в процессах категоризации определенного социального объекта) [Moliner, Guimelli, 2015]. Эти когнитивные структуры используются говорящими в процессе категоризации языкового знания, которое обладает достаточно высоким формализмом, клишированностью, стереотипизованностью и, следовательно, возможностью широкого воспроизводства говорящими. Отметим, что социопсихологическое понятие прототипа является аналогом философского и лингвистического понятия нормы, которая выступает, таким образом, в качестве измерительного, оценочного инструмента человеческого опыта. Удобство использования в когнитивной деятельности, в частности, в конструировании языковых представлений усеченных концептов определяется принципом экономии: они предлагают социальному субъекту уже сконструированное, готовое знание-репрезентацию, своеобразную «семантическую заготовку».

Выводы

Социальные представления предлагают многочисленные способы интерпретации реальности. При этом наличие (явное или только ощущаемое) в их структуре причинно-следственных связей, соединенными с определенными стереотипами придает им известную стабильность.

Как инструмент интерпретации действительности социальное представление очерчивает в целом верно отделенные аспекты реальных событий и предметов. Однако соединение в нем объективных и субъективных компонентов знания приводят к тому, что данная интерпретация никогда не бывает нейтральной. Об этом можно судить по тем многочисленным отрицательным оценкам, которые латеральные языковые варианты французского языка получали в исторической перспективе в среде говорящих.

Исследование репрезентации языковой нормы квебекского и бельгийского вариантов французского языка показывает, что, будучи формой социальной репрезентации, языковая репрезентация разрабатывается как *отношение* между социальной группой, социальным объектом и социальным Другим, то есть в терминах социолингвистики – в процессе социокультурного и языкового контактирования социальных групп и складывающихся диглосных и полилингвальных ситуаций [Разумова, 2014, 2016].

Языковая норма, как один из многочисленных видов социальных представлений предстает как сложный когнитивно-оценочный инструмент, участвующий в процессе категоризации и оценки языка; она позволяет определить его сущностные характеристики: *временные* и *пространственные* границы, *ценностные* компоненты. Понятие языковой нормы используется для их группировки, отбора, установления связи между ними. В этом заключается инструментальный, деятельностный характер языковой нормы. Соединение в рамках языковой нормы рационального и оценочного, социального и индивидуально-планов, прескриптивных и дескриптивных элементов свидетельствует о ее сложности и полиморфности как объекте исследования.

Список литературы

1. Разумова Л.В. Языковая ситуация в Бельгии в исторической перспективе. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 221 с.
2. Разумова Л.В. Репрезентация языковой нормы квебекского варианта французского языка: монография. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 208 с.
3. Разумова Л.В. Репрезентация языковой нормы в вариантах французского языка за пределами Франции (квебекский и бельгийский

- варианты). Автореф дисс. ... д-ра филол наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. 43 с.
4. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2002. 720 с.
 5. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб: Питер, 2002. 592 с.
 6. Тагард П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке. // Логос. №1, 2014. С. 35–60.
 7. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. №1., 2014. С. 1–18.
 8. Doise W. Les représentations sociales // *Traité de psychologie cognitive*. P.: Dunod, 1990. Pp. 111–176.
 9. Jodelet D. Représentations sociales et mondes de vie. P.: Editions des Archives, 2015. 205 p.
 10. Lakoff G. *Woman, Fire and dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 614 p.
 11. Moliner P., Guimelli C. *Les représentations sociales*. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2015. 144 p.
 12. Moscovici S. *Psychologie sociale*. P.: PUF, 1990. 640 p.
 13. Rateau P., Moliner P., Guimelli C., Abric J.C. *Social Representation Theory // Handbook of Theories of Social Psychology*. London, Thousand Oaks, CA: Sage, 2011. Pp. 478–498.

References

1. Razumova L.V. *Yazykovaya situatsiya v Bel'gii v istoricheskoy perspektive* [The language situation in Belgium in a historical perspective]. Chita: ZabGU Publishing House, 2014. 221 p.
2. Razumova L.V. *Reprezentatsiya yazykovoy normy kvebekskogo varianta frantsuzskogo yazyka* [Representation of the linguistic norm of the Quebec variant of the French language]: monograph. Chita: ZabGU Publishing House, 2014. 208 p.
3. Razumova L.V. *Reprezentatsiya yazykovoy normy v variantakh frantsuzskogo yazyka za predelami Frantsii (kvebekskiy i bel'giyskiy varianty)* [Representation of the linguistic norm in French variants outside France (Quebec and Belgian variants)]. Abstract. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2016. 43 p.

4. Rubinstein L.S. Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. SPb: Peter, 2002. 720 p.
5. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. SPb: Peter, 2002. 592 p.
6. Tagard P. Mezhdistsiplinarnost': torgovye zony v kognitivnoy nauke [Interdisciplinarity: Trade Areas in Cognitive Science]. *Logos*. No. 1, 2014. P. 35–60.
7. Falikman M. Kognitivnaya nauka: osnovopolozheniya i perspektivy [Cognitive Science: Foundations and Perspectives]. *Logos*. No. 1, 2014. P. 1–18.
8. Doise W. Les représentations sociales. *Traité de psychologie cognitive*. P.: Dunod, 1990. Pp. 111–176.
9. Jodelet D. Représentations sociales et mondes de vie. P.: Editions des Archives, 2015. 205 p.
10. Lakoff G. *Woman, Fire and dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 614 p.
11. Moliner P., Guimelli C. Les représentations sociales. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2015. 144 p.
12. Moscovici S. *Psychologie sociale*. P.: PUF, 1990. 640 p.
13. Rateau P., Moliner P., Guimelli C., Abric J.C. Social Representation Theory. *Handbook of Theories of Social Psychology*. London, Thousand Oaks, CA: Sage, 2011. Pp. 478-498.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Разумова Лина Васильевна, профессор, д. филол. наук, доцент
Московский городской педагогический университет
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, 129226, Рос-
сийская Федерация
lina.razumova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Razumova Lina Vasilyevna, Professor, Doctor of Philology, Docent
Moscow City University
4, Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian
Federation
lina.razumova@mail.ru
SPIN-code: 1727-6755
ORCID: 0000-0001-5225-0413

DOI: 10.12731/2658-4034-2020-6-31-54
УДК 159.9.075

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В ПРОСТРАНСТВЕ КАРЬЕРНОГО ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Савченко И.А., Козлова Ю.В.

Раскрываются условия и формы реализации гендерных моделей в профессиональной среде, показывается социокультурная и личностная динамика трансляции гендерных установок в российском обществе.

На основе данных онлайн-опроса проводится анализ установок взаимного восприятия мужчин и женщин относительно преимуществ их семейного статуса и карьерного потенциала в условиях профессиональной среды современной организации.

Цель исследования – изучение особенностей взаимного восприятия мужчин и женщин в процессе карьерных отношений. В соответствии с целью авторы ставят **задачи**: 1) проанализировать взгляды исследователей на проблему функционирования гендерного фактора в процессе профессиональной социализации личности; 2) понять специфику взаимных аттитюдов мужчин и женщин в процессе карьерного взаимодействия; 3) посредством обобщения теоретического материала и эмпирических данных дать характеристику «гендерного климата» современной российской организации.

Методы и методология. В ходе работы над темой статьи используются классические методы познания общественных явлений, такие как анализ, обобщение, аналогия и сравнение. Применяется гендерный подход, который предполагает исследование системы взаимоотношений и взаимовосприятий мужчин и женщин в различных сферах общественной жизни (см. например, работы Б. Зибелл [23, р. 8]). Данный подход отличается от «женских исследований»

и, тем более, от философии феминизма, где фокус научного внимания концентрируется на «женской тематике». Для получения эмпирических данных применен онлайн-опрос, проведенный с использованием гугл-форм.

Результаты. Дан анализ зарубежных и отечественных подходов к изучению карьерного процесса. Охарактеризована карьера как социально-психологическое и социокультурное явление, выявлены социально-психологические предпосылки и динамика гендерного неравенства в современных условиях. На основании интерпретации данных опроса выявляются особенности взаимного восприятия мужчин и женщин в условиях их профессионального взаимодействия.

Область применения результатов. Результаты исследования могут использоваться в целях создания рекомендаций для изучения психологических составляющих состояния общественного мнения по управленческой и гендерной проблематике, для организации социально-значимых мероприятий, семинаров, вебинаров, включающих гендерную тематику, при написании учебных пособий социально-коммуникативного блока.

Ключевые слова: мужчина; женщина; гендерные противоречия; карьера; конкуренция; ожидания; восприятие; снисхождение.

MALE AND FEMALE IN THE SPACE OF CAREER MUTUAL PERCEPTION

Savchenko I.A., Kozlova Yu.V.

The authors reveal the conditions and forms of implementation of gender models in the professional environment, show the socio-cultural and personal dynamics of awareness and translation of gender attitudes in Russian society.

Based on the survey data, the authors analyze the attitudes of mutual perception of men and women regarding the advantages of their family

status and career potential in the professional environment of a modern organization.

The purpose of the study is to study the features of the mutual perception of men and women in the process of career relationships. In accordance with the goal, the authors set the following tasks: 1) to analyze the views of researchers on the problem of the functioning of gender in the process of professional socialization; 2) to understand the specifics of the mutual attitudes of men and women in the process of career interactions; 3) by a generalization of theory and empirical data to characterize the gender climate in modern Russian organizations.

Methods and methodology. In the course of working on the topic of the article, classical methods of cognition of social phenomena, such as analysis, generalization, analogy and comparison, are used. The gender approach is applied, which involves the study of the system of interactions, relationships and mutual perceptions of men and women in various spheres of public life (for example, the works by B. Zibell [23, p. 8]). This approach differs from “women’s studies” and, even more so, from the philosophy of feminism, where the focus of scientific attention is concentrated on “women’s topics”. To obtain empirical data, we used an online survey conducted using Google forms.

Results. The analysis of foreign and domestic approaches to the study of the career process is given. Career is characterized as a socio-psychological and socio-cultural phenomenon, the prerequisites and dynamics of gender inequality in modern conditions are revealed. Based on the interpretation of the survey data, the features of the mutual perception of men and women in the conditions of their professional interaction are revealed.

The scope of the results. The results of the research can be used to create recommendations for studying the psychological components of the state of public opinion on management and gender issues, for organizing socially significant events, seminars, webinars, including gender topics, when writing textbooks for the social and communicative block.

Keywords: man; woman gender contradictions; career; competition; expectations; perceptions; condescension.

В последние десятилетия происходит быстрая смена условий общественной жизни, стремительные социальные трансформации отражаются и на формах профессиональной самореализации наших современников. Во второй половине XX в. карьерный процесс стал по настоящему массовым, а начало XXI вывело его на новый уровень скорости, благодаря новым технологиям передачи информации и автоматизации трудовых функций. Карьера сегодня стала предметом многочисленных исследований в рамках социальной и дифференциальной психологии, психологии труда.

В отечественной психологической науке карьера преимущественно рассматривается как личностная реализация, что обусловлено длительным развитием данной проблематики в русле деятельностного подхода с акцентом на потребность личности в труде и социализации в трудовом коллективе (Г.И. Корчагина, Е.В. Макарова [10]), (Е.Е. Бочарова [3]), в последние десятилетия начинает применяться акмеологический (В.А. Толочек [18]) и системогенетический (С.Д. Гуриева [6]) подходы к изучению психологических проблем карьеры.

В зарубежных исследованиях карьеры тема самоопределения, самореализации, начиная с Абрахама Маслоу [12], традиционно имеет гуманистическую направленность категории «профессиональная самореализация», «профессиональная/карьерная успешность», «профессиональная направленность личности» раскрываются в связи с индивидуализацией карьерного пути.

Исследования социальных аспектов карьеры, конкуренции на рынке труда, социально-демографической детерминации карьеры связаны, прежде всего, с проблематикой управления, оптимизации организационных ресурсов, с вопросами социальной ответственности предприятий, организаций и бизнес-структур (О.Е. Белова, С.Д. Гуриева [2]), (Л.Г. Гарипова [5]).

Принцип социального равенства, обеспечения здоровой карьерной конкуренции как формы социализации, социального продвижения, отчасти в наши дни реализован в виде конкурсов на должность, периодических аттестаций, в измерении коэффициента трудового

участия сотрудника, оценки работников по должностным компетенциям (KPI).

Карьерное продвижение как способ повышения социального статуса и форма личностной реализации – та область, которая в наше время стала максимально востребованной. Произошло это вследствие демократизации общественной системы, трансформации институтов государства, религии, семьи. Карьера стала максимально привлекательным способом структурирования времени, потоков информации, элементов сознания. Сам по себе профессиональный и должностной статус, общественное поощрение, да и финансовая защищенность, а тем более независимость – важная, но не единственная причина мотивации женщин к конкуренции с мужчинами. Также и компенсаторное поведение, направленное на восполнение функций обеспечения, защиты, принятия решений не является для современной женщины объективной необходимостью.

В данной статье рассматриваются гендерные аспекты карьерной конкуренции. Социокультурные трактовки понятий «гендерный эталон», «гендерные стереотипы», «гендерные ожидания», «фемининное и маскулинное поведение», развиваются в ответ на серьезные общественные перемены. В первую очередь это касается института брака и карьерного процесса современных мужчин и женщин.

В междисциплинарном изучении карьерного процесса рассматриваются следующие аспекты: развитие личности в профессии, в том числе в организационном и должностном контексте; взаимодействие с отдельными слоями социума в процессе движения по карьерной траектории; индивидуально-типические, социально-культурные предпосылки профессиональной эволюции, способности, значимые для этого процесса и в нем развивающиеся [19; 221]. На развитие карьеры оказывает влияние система факторов, одни из которых действуют через другие, формируя адаптивность в профессиональной среде, уровень стабильности карьеры (продолжительность стажа, длительность работы в должности, в организации), длинные, средние и короткие карьерные циклы (Анс Ве Вос, Беатрис Ван дер Хейден [22]).

Так, поведение женщины в контексте построения карьеры может быть построено на стратегии акцентирования своей гендерной принадлежности или же на ее отрицании (*Doing & Undoing Gender Strategies*), при этом акцентирование женственности (в шести вариантах поведения) чаще используется во взаимодействии с вышестоящими лицами. А вот «*отрицать свой гендер*» склонны лишь около трети женщин и эта стратегия – для горизонтальных коммуникаций, она более вариативна (до 13 вариантов). Как отмечают С.Д. Гуриева и У.А. Удавихина, лишь сочетание стратегий, которое встречается реже всего, делает поведение женщины более разнообразным и способствуют карьерному успеху [6, с. 270].

Внутренняя среда организации может в разной степени актуализировать гендерную идентификацию, в том числе – как карьерное препятствия, продуцировать ситуации, требующие воспроизведения гендера или же конфронтации с ним. Акцентирование гендера выражается не только в особенностях внешнего вида и стиля, но и в эмоциональной аргументации, ориентированности на неформальное взаимодействие и поддержку. Игнорирование своей гендерной принадлежности в поведении связано с уверенностью, последовательностью, логической направленностью и формализацией контактов, при этом женщина воспринимается как ориентированная на карьерный рост и получает меньше поддержки коллег [6, с. 272].

В ряде организаций, подразделений преобладают чисто женские коллективы, в которых более распространены «мужские» карьерные стратегии, отрицание телесности и наиболее жесткие способы контроля за профессиональным поведением. Для эффективного управления человеческими ресурсами, профилактики профессиональной деформации личности целесообразен «микрподход» (см. работу Е.Ю. Погудиной [13, с. 173–174]), предполагающий, по уточнению С.В. Гуцковой [7, с. 131], учет психофизических показателей, гендерных и возрастных аспектов поведения, создание действенной мотивации, применение «эмоционального менеджмента» для управления лояльностью и компетентностью сотрудников.

Отношение к труду и уровень удовлетворенности условиями работы в России, как отмечают некоторые Г.Ф. Ромашкина и Ю.В. Ушакова, в большей степени зависит от специфики деятельности и типа организационной среды, нежели от возраста, пола и уровня образования [14, с. 194]. Это расширяет диапазон средств управления человеческими ресурсами в организации и набор карьерных траекторий в структурах разных типов.

В смешанных по гендерному составу организациях женщины нередко субъективно осознают пол как препятствие к карьерному росту, сталкиваются с неравенством, микроагрессией, а также травмирующими указаниями на пол (Т.В. Казанцева и др. [8, с. 34]). Не случайно трудности с формированием профессиональной репутации, достижением уважения и поддержки экспертности, выбор в пользу мужчин при повышении и определении норм оплаты труда так или иначе отмечают более половины женщин [8, с. 42].

Взаимодействие в профессиональном контексте в ряде случаев приводит женщину к вынужденному осознанию своего пола [8, с. 43–44]. Это выражается как проявление гендерной дискриминации в выборе способов решения рабочих задач и партнеров по работе; снижение доверия как к профессионалу в связи с материнством; сексуальные коннотации в деловом общении; прямое указание на пол.

Принудительная форма указаний на пол («Ты же женщина!») во всех вариантах применяется как средство давления, как способ переключить взаимодействие с делового уровня на физический, подвергает сомнению компетентность и профессионализм женщины (врачебная, предпринимательская, юридическая сфера) или же предъявляет эталоны фемининности, которым, безусловно, следует соответствовать (внешний вид, поведение, жизненные цели, обязанности). Пол может быть обоснованием поручить рутинную работу – как более ответственному, но менее самостоятельному работнику. Шутливые указания на пол используются для сглаживания конфликтов, повышения самооценки и самоуважения мужчин. Тактически, женщина может получать таким образом преимущества, но в стратегическом плане женщины воспринимают пол как

карьерное препятствие. Именно характер эмоциональной реакции определяет наличие гендерного неравенства в организации. Там, где женщины воспринимают подобные указания положительно и нейтрально, действуют универсальные для общества культурные нормы. Там, где возникает отрицательная реакция, неравенство в организации жестче, чем в обществе в целом [8, с. 45–49]. Если половая принадлежность становится карьерным и профессиональным барьером, возможно, следует начать с признания ситуации неравенства, в том числе, – замаскированной под доброжелательность и поддержку.

Показательно, что в постсоветском пространстве женщина на пути к успеху вынуждена *«сопротивляться гендеру»*, традиционным образцам поведения и участвовать в карьерной гонке, именно для компенсации «несостоявшейся маскулинности» мужчины (Л.Г. Гарипова [5], О.А. Воронина [4]). Следует отметить, что советская система общественного воспитания и образования была направлена на формирования «советского человека», ориентированного на коллектив, общественно значимую трудовую активность, равенство полов на всех возрастных этапах. Система дошкольного и среднего образования создавала предпосылки к тому чтобы женщины учились, работали, участвовали в общественной жизни. Общество поощряло в женщине проявление эталонных мужских качеств (решительности, активности, созидательности и т.д.). Уже в 1960-е годы XX века в жизнь вступило послевоенное поколение мальчиков которые воспитывались в условиях демографического перевеса в сторону женщин. В последующие десятилетия в семье с маскулинной (властной) мамой, зачастую еще и неполной, выросло несколько поколений. Доминантным в обществе стало убеждением о том что женщинам приходится конкурировать за мужчину для создания семьи, одновременно конкурируя с мужчинами и другими женщинами в профессиональной сфере.

В итоге уже к 1980-м годам феминизация мужчин стала хорошо заметной, эта проблема нашла отражение в отечественной психологии, активно изучалось понятие «полоролевой идентификации»

как синонимичное «гендеру» (работы И.С. Кона, Я.Л. Коломинского, В.А. Ядова).

«Вторая волна» модификации гендерных стандартов пришла уже в начале нынешнего века, когда широко стал внедряться западный менеджмент и идеи феминизма. В середине 2010-х годов «окно закрылось», однополые отношения и браки, а следом за ними агрессивный феминизм, перестали быть «модными» и социально поощряемыми, но идея, что «женщине для того, чтобы добиться успеха нужно вдвое больше способностей, знаний и труда – осталась. На постсоветском пространстве сохраняется и усиливается стремление женщин ориентировать своих дочерей на карьеру и экономическую независимость, на активное участие в конкуренции на рынке труда. Подчас семейное воспитание полностью ориентировано на будущую карьеру. Именно в этой конкуренции женщина так часто сталкивается с неравенством: от открытого сексизма до понижения собственной значимости. Вероятно, глубинные причины подобного явления связаны не только с экономическими и общественными процессами, но и с архетипическими, с реализацией бессознательных трансферов (О.А. Хасбулатова [21], И.А. Савченко [16]).

Немаловажную роль играют и активные вбросы масс-медиа, особенно – в условиях неопределенности и повышенной тревожной готовности (Ю.В. Козлова и др. [9]). Долгосрочные карьерные установки первых десятилетий XXI века сменяются стратегиями выживания, конкуренция растет, в этих условиях рутинные стратегии карьерного поведения более надежны и востребованы. Но это не исключает и инновационной стратегии, которая может выражаться в выработке нового поведения в семье и профессии, совмещения публичных ролей (как это происходит, например, у успешных блогеров, в тематических комьюнити). Становится распространенным создание новых «женских» типов организаций, «женского бизнеса», основанного на обмене и социальной поддержке. Вместе с тем, развитие у женщины маскулинных качеств, считает Л.Г. Гарипова, неизбежно приводит к снижению этих качеств у мужчин, психологической напряженности в семье, двойной занятости жены и матери [5, с. 22].

В организациях государственной, гражданской и муниципальной службы представлены, по классификации А.М. Бекарева и Е.А. Лазуковой, несколько карьерных типов: сотрудники, не стремящиеся к продвижению и довольные своей должностью («удовлетворенные индифференты»); те, кто довольны должностью, но стремятся к повышению профессионального статуса («удовлетворенные профессионалы»); ориентированные на должностной рост «удовлетворенные карьеристы»; неудовлетворенные должностью и стремящиеся к росту «неудовлетворенные карьеристы» и решившие прекратить карьеру «неудовлетворенные индифференты» [1, с. 162].

Показательно, что в формализованной сфере госслужбы и в высокоспециализированных отраслях с высокой степенью персональной ответственности мужчины и женщины выбирают сходную карьерную направленность (И.А. Савченко, В.В. Горбачев [17, с. 154]), в то время как в среднеспециализированных (служащие) отраслях степень карьерных притязаний женщин снижается. То есть в бюрократических структурах женщины чувствуют себя более комфортно в карьерном процессе, нежели в высокоспециализированной профессиональной среде, где личностный статус, личная компетентность и реальные достижения не являются суммарными, не поддерживаются должностными или властными полномочиями [1, с. 165].

Эмпирическую основу нашего эмпирического исследования составили результаты онлайн-опроса на основе гугл-форм. Опрос был направлен на выявление особенностей взаимного и ауто-восприятия мужчин и женщин в процессе их карьерного взаимодействия. Опросное исследование проводилось среди жителей г. Нижнего Новгорода в июне – ноябре 2020 года. Выборка ($n = 1059$) – квотная, пропорциональная основным социально-демографическим параметрам (кроме лиц моложе 18 лет). Возраст респондентов: 18 – 78 лет (18% – 18-25 лет, 25% – 26-35 лет, 25% – 36-45 лет, 22% – 46-60 лет, 10% – 61-78 лет). Все опрошенные – граждане Российской Федерации. Количество лиц мужского пола в выборке составило – 42%, женского – 58%. Выборка является целевой: все респонденты работают в учреждениях (государственных, бюджетных, коммер-

ческих), где функциональные обязанности мужчин и женщин не дифференцированы. Опрошенные заняты образовательной (35%), офисной (44%) и торговой деятельностью (21%). Статистическая обработка данных была осуществлена автоматически, оформление данных исследования в виде таблиц в той форме, как они представлены в публикации, проводилось авторами «вручную».

Результаты опроса и их обсуждение

Принципиальным является мнение о том, что отношение женщины к трудовой деятельности, по мнению большинства мужчин (65%) должно быть на уровне ответственного исполнителя, с чем согласны и 37% самих женщин. Еще четверть опрошенных мужчин допускают равнозначную вовлеченность мужчины и женщины в карьерную динамику, как и 44% женщин (таблицы 1, 2).

Таблица 1.

Мнение мужчин и женщин об идеальном варианте отношения женщины к трудовой деятельности (%)

| № п/п | Идеальный вариант отношения женщины к трудовой деятельности (возможен только один ответ) | Мужчины | Женщины |
|-------|---|---------|---------|
| 1 | Женщина работает наравне с мужчиной и делает карьеру | 25 | 44 |
| 2 | Женщина работает наравне с мужчиной, она ответственна, но не стремится сделать карьеру | 65 | 37 |
| 3 | Женщина работает без самоотдачи, Ее основные интересы – вне работы | 10 | 19 |

Таблица 2.

Мнение мужчин и женщин об идеальном варианте отношения мужчины к трудовой деятельности (%)

| № п/п | Идеальный вариант отношения мужчины к трудовой деятельности (возможен только один ответ) | Мужчины | Женщины |
|-------|---|---------|---------|
| 1 | Карьера – главное для мужчины | 50 | 54 |
| 2 | Ответственный работник, но не стремится сделать карьеру | 35 | 42 |
| 3 | Работает без самоотдачи, его основные интересы – вне работы | 15 | 4 |

Мнение о том, что повышение профессионализма, совершенствование выполнения должностных обязанностей, адаптация к организационным изменениям составляют фундамент карьерного развития «по горизонтали», мужчины и женщины на этом уровне у большинства опрошенных получают одобрение. Ориентированность женщины только на семью разделяют 19% женщин и 10% мужчин, а сторонниками карьерного равенства полов являются 44% женщин и 25% мужчин. Стоит отметить, что женщины более склонны поддерживать карьерный рост как жизненный приоритет мужчин (54%) и возможность развиваться в этом наравне с ними (44%). Тогда как только 50% опрошенных мужчин считает, что для них самих карьера – главное в жизни.

Такая картина во много обусловлена устойчивым демографическим дисбалансом, который в старших возрастных группах усиливается. А также и патерналистскими установками, доминировавшими в российском обществе вплоть до 90-х годов XX-го века. Образ женщины-руководителя, политического или общественного деятеля, ученого чаще всего формировался как калька с мужских образов. В то же время стереотип о доминировании ориентации лишь на ограниченную семейную самореализацию окончательно ушел уже в 60-е годы прошлого века, поскольку на женщину была возложена реализация типично мужских функций и моделей профессионального поведения *в дополнение* к традиционным моделям, ориентированным на семью.

Наш вопрос о **семейном статусе как факторе профессиональной и карьерной успешности** (таблицы 3, 4), нужно признать, сам по себе является дискуссионным, так как напрямую связан с традиционной моделью семьи и полоролевого поведения в возрастной динамике. С одной стороны, принадлежность с семейно-родовой структуре делает профессиональную мотивацию устойчивой, предсказуемой, позволяет организации перспективно планировать кадровый резерв. С другой стороны, социальная мобильность как мужчин, так и женщин, готовность выбирать и поддерживать новые модели реализации родительско-семейной функции (для родившихся в се-

редине 1980-х годов и позже) – уже признак успешности, личной эффективности. Привлекательна идея «построить жизнь *«так, как я хочу»*, в соответствии со своими возможностями и убеждениями», используя карьеру как один из инструментов достижения желаемого. Так, по данным опроса, семейный статус не отражается на качестве работы женщины по мнению 28% женщин, а 49% мужчин имеют то же мнение относительно мужчин. Сходная тенденция и в оценке не состоящих в браке и бездетных, которых потенциально успешными работниками считают 22% мужчин и 12% женщин. Подобный плюрализм отражает нарождающуюся тенденцию ослабления семейно-общинной традиции администрирования, в целом характерной для России.

Таблица 3.

Мнение мужчин и женщин о семейном статусе женщины, имеющей наибольшие шансы стать отличным работником (%)

| № п/п | У какой женщины больше шансов стать отличным работником (возможен только один ответ) | Мужчины | Женщины |
|-------|---|---------|---------|
| 1 | Замужней женщины с ребенком (с детьми) | 18 | 25 |
| 2 | Замужней женщины без детей | 25 | 10 |
| 3 | Незамужней (разведенной) женщины с ребенком (с детьми) | 16 | 25 |
| 4 | Незамужней (разведенной) женщины без детей | 22 | 12 |
| 5 | Семейный статус никак не влияет на качество работы женщины | 19 | 28 |

Таблица 4.

Мнение мужчин и женщин о семейном статусе мужчины, имеющим наибольшие шансы стать отличным работником (%)

| № п/п | У какого мужчины больше шансов стать отличным работником (возможен только один ответ) | Мужчины | Женщины |
|-------|--|---------|---------|
| 1 | Женатого мужчины с детьми | 16 | 23 |
| 2 | Женатого мужчины без детей | 11 | 25 |
| 3 | Неженатого (разведенного) мужчины с детьми | 6 | 2 |
| 4 | Неженатого (разведенного) мужчины без детей | 18 | 25 |
| 5 | Семейный статус никак не влияет на качество работы мужчины | 49 | 25 |

Тема снисходительного отношения к работнику в зависимости от его пола (таблицы 5 и 6) почти единодушно интерпретируется как допустимая, причем наибольшую лояльность проявляют женщины по отношению к мужчинам (84% готовы поддерживать и понимать упущения в их работе), в то время как большинство мужчин (53%) готовы проявить снисходительность по отношению к коллеге-женщине. В этом с ним согласны 45% женщин, если речь идет о коллеге-женщине, не претендующей на лидерство и карьерный рост. При этом сами мужчины не признают снисходительного отношения себе (62%), подчеркивая тем самым значимость конкуренции между собой и по отношению к коллегам-женщинам.

Таблица 5.

Мнение мужчин и женщин о возможном снисхождении к женщине как к работнику (%)

| № п/п | Заслуживает ли женщина как «слабый пол» какого-либо снисхождения на работе? (возможен только один ответ) | Мужчины | Женщины |
|-------|--|---------|---------|
| 1 | Раз уж женщина решила работать, пусть трудится наравне с мужчиной. Никаких снисхождений | 35 | 25 |
| 2 | Работающая женщина заслуживает снисхождения и понимания, но лишь случае, если она не карьеристка и не стремится к руководящим должностям | 53 | 45 |
| 3 | Считаю, что работающая женщина как «слабый пол» в любом случае заслуживает снисхождения и помощи | 12 | 30 |

Таблица 6.

Мнение мужчин и женщин о возможном снисхождении к мужчине как к работнику (%)

| № п/п | Заслуживает ли женщина какого-либо снисхождения на работе? (возможен только один ответ) | Мужчины | Женщины |
|-------|--|---------|---------|
| 1 | Ни о каких снисхождениях к мужчине не может быть и речи | 62 | 16 |
| 2 | Мужчины заслуживают снисхождения. Их и так немного в нашем городе и в нашей организации | 38 | 84 |

Полностью отказывают женщине в каком-либо снисходительном отношении при выполнении профессиональных обязанностей

35% мужчин и 25% женщин, в этих группах представители обоих полов воспринимаются как равноправные конкуренты в карьерном процессе.

Такой результат иллюстрирует тенденцию расхождения знакомого и значимого у большинства опрошенных. Очевидно, что за 30 лет, прошедших с момента распада СССР, где декларировалось полное равноправие полов (и оно во многом поддерживалось обращением «товарищ», системой образования, демонстрацией образцов эталонного поведения «советской женщины», прежде всего, в профессиональной и общественной сфере), кардинальных изменений в гендерных моделях не произошло [15].

Можно говорить об изменении установок относительно возраста и большей распространенности отношений вне брака. Но, тем не менее, женщины все так же занимают критичную позицию по отношению к своему полу и более терпимую, опекающую – по отношению к мужчинам.

В вопросе о том, как семейная ситуация может повлиять на готовность проявить снисходительность к работнику (таблицы 7 и 8, количество ответов на данный вопрос было не ограничено), было выявлено противоречие. Так, 22% женщин и 22% мужчин (таблица 7) считают, что «на работе все равны», если речь идет о снисхождении к женщине как к работнику. Если же ставится вопрос о снисхождении к мужчине как к работнику (таблица 8), то «за равенство» выступают лишь 5% мужчин и 19% женщин. Принимая во внимание, что на вопросы (таблицы 7 и 8) отвечают одни и те же люди, мы можем зафиксировать их «двойственную позицию»: *«все равны, но мужчины равнее»*. Ситуацию, в которой 84% женщин (в таблица 6) готовы закрывать глаза на недоработки мужчин и делать что-то за них, когда и мужчины, и женщины относятся к мужчинам «с большим пониманием и эмпатией», чем к женщинам, мы можем описывать как ситуацию «ментального карьерного неравноправия». Иными словами, стереотипы о неодинаковости карьерных функций живут в психике людей, в их сознании и бессознательном.

Таблица 7.

Мнение мужчин и женщин о семейных обстоятельствах женщины, при которых можно стать снисходительным к ней как к работнику (%)

| № п/п | В каком случае семейные обстоятельства позволяют ей рассчитывать на помощь и снисхождение на работе (количество ответов не ограничено) | Мужчины | Женщины |
|-------|---|---------|---------|
| 1 | Если она одинока, и ей нужно «устраивать личную жизнь» | 12 | 4 |
| 2 | Если ее супруг требует повышенного внимания и заботы | 6 | 6 |
| 3 | Если у нее муж и ребенок (дети) | 18 | 14 |
| 4 | Если она одна воспитывает ребенка (детей) | 11 | 25 |
| 5 | Если она замужем и является многодетной матерью | 22 | 12 |
| 6 | Если она не замужем и является многодетной матерью | 25 | 12 |
| 7 | Если она заботиться о больном ребенке | 25 | 19 |
| 8 | Если она заботиться о больном родственнике (муже, родителе) | 15 | 14 |
| 9 | Считаю, что на работе мы все равны. Никто ни за кого не обязан работать. Поэтому никто ни на какое снисхождение рассчитывать не может | 22 | 22 |

Если обобщить данные, представление в таблицах 5–8, можно выявить определенное противоречие: не менее 10% опрошенных декларируют профессиональное равенство, при этом, однако, ожидают снисходительного отношения к себе самим (напомним, что 38% мужчин выразили одобрение идеи снисхождения к ним самим, 30% женщин готовы к тому, что к ним будут снисходительны как к работнику, 84% женщин готовы проявлять снисходительность к мужчинам). Особенно сильно расходятся высокая готовность женщин оказывать поддержку мужчинам с низкой готовностью оказывать ее представительницам своего пола. Трудовые ориентации, придающие направление карьерному пути в контексте жизненного пути, могут быть восприняты личностью как необходимость или как призвание [26].

Таблица 8.

Мнение мужчин и женщин о семейных обстоятельствах мужчины, при которых можно стать снисходительным к нему как к работнику (%)

| № п/п | В каком случае семейные обстоятельства позволяют ей рассчитывать на помощь и снисхождение на работе (количество ответов не ограничено) | Мужчины | Женщины |
|-------|--|---------|---------|
| 1 | Если он одинок, и ему нужно «устраивать личную жизнь» | 18 | 2 |
| 2 | Если его супруга требует повышенного внимания и заботы | 8 | 2 |
| 3 | Если у него жена и дети | 44 | 15 |
| 4 | Если он один воспитывает ребенка (детей) | 15 | 22 |
| 5 | Если он женат и является многодетным отцом | 35 | 35 |
| 6 | Если он не женат и является многодетным отцом | 35 | 40 |
| 7 | Если он заботиться о больном ребенке | 27 | 45 |
| 8 | Если он заботиться о больном родственнике (муже, родителе) | 15 | |
| 9 | Никто ни за кого ни при каких обстоятельствах не обязан работать. Поэтому никто ни на какое снисхождение рассчитывать не может. Считаю, что на работе все равны. | 5 | 19 |

На первый взгляд, сегодня приобретение трудовых компетенций («карьерных якорей»), в числе которых профессиональная независимость, защищенность, владение операционным и управленческим функционалом, предприимчивость, креативность, жизненный стиль, доступно каждому, независимо от гендерной принадлежности и полоролевой идентификации [25, с. 184]. Между тем, данные мировой статистики на 2020 год свидетельствуют, что для достижения гендерного паритета потребуется не менее столетия. И это связано не только с культурными эталонами и национальными традициями, но в большей степени имеет экономическое оправдание [24]. «Ролевая модель» эффективна и приносит экономию оплаты труда. Кроме того, по всей видимости, автоматизированы в связи с пандемией будут многие отрасли, в которых по всему миру трудятся женщины.

Выводы

1. Анализ научных исследований по гендерной проблематике, а также результаты эмпирического исследования, направленного на изучение взаимного восприятия мужчин и женщин в условиях работы современной организации, в целом, подтвердили существование устойчивых стереотипов маскулинности – фемининности, сформированных еще в советскую эпоху. В целом, эти стереотипы сводятся к тому, что мужчина сохраняет лидерские позиции и ориентирован на карьеру, в то время как женщина балансирует между профессией и семьей, при этом, желательно, не претендуя на особые достижения в карьере. Вместе с тем, существуют нюансы организационного «гендерного климата», выявление которых представляет научный интерес и содержат в себе элементы новизны.

2. Установлено, что в гендерном отношении привилегированность мужчин сводится не столько к поддержанию их маскулинного карьерного статуса, сколько в более снисходительном отношении к ним как к работникам со стороны как мужчин, так и женщин.

3. Показано, что завышенные требования к таким качествам женщин-работников, как организованность, ответственность и исполнительность предъявляют, в первую очередь не мужчины, а сами женщины. Именно женщины в своем большинстве склонны поддерживать, скорее, карьерное доминирование мужчины, нежели мириться с карьерным ростом других женщин – своих коллег. В подобных условиях и женщины-руководители склонны менее требовательно в профессиональном плане относиться к работникам-мужчинам, нежели к женщинам.

5. Таким образом, в ситуации, когда во многих сферах профессиональной деятельности преобладают женщины-работники, мужчина-работник приобретает особую ценность, а идеи феминизма объективно не получают широкой поддержки.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено без участия спонсоров.

Список литературы

1. Бекарев А.М., Лазукова Е.А. Трудовая карьера руководителей и специалистов в системе управления: компаративный анализ // *Личность. Культура. Общество*. 2015. Т. 17, № 1-2. С. 160–166.
2. Белова О.Е., Гуриева С.Д. Социальные представления о гендерном неравенстве в обществе и в организации // *Материалы сборника статей участников международной научной конференции молодых ученых «Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения»*. СПб: Изд-во ООО «Скифия-принт». С. 175–183.
3. Бочарова Е.Е. Самоопределение личности как субъекта профессиональной социализации // *Проблемы социальной психологии личности : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 10. С. 121-128.*
4. Воронина О.А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // *Женщина в российском обществе*, 2013. № 3. С. 12-20.
5. Гарипова Л.Г. Гендерный фактор профессиональной карьеры // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2010. №2. С. 22-23.
6. Гуриева С.Д., Удавихина У.А. Особенности применения гендерных стратегий при построении карьеры женщинами в России // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2020. Выпуск 3. С. 270-273.
7. Гуцыкова С.В. Концептуализация представлений о безопасности социально-психологического пространства профессиональной деятельности // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М., 2014. Вып. 6. С. 125-139.*
8. Казанцева Т.В., Гуриева С.Д., Марарица Л.В. Субъективное переживание гендерного неравенства работающими женщинами // *Петербургский психологический журнал*. 2020. № 3. С. 35-52.
9. Козлова Ю.В., Савченко И.А., Горохова А.М. Динамика массового сознания в период пандемии // *Современные исследования социальных проблем*. 2020. Т. 12. № 2. С. 182-203.

10. Корчагина Г.И., Макарова Е.В. Понятие карьеры в психологических исследованиях // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 32. С. 94-106. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56671.htm>.
11. Марарица Л.В., Гуриева С.Д., Казанцева Т.В. Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного капитала женщины: постановка проблемы // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1, № 1. С. 44–52.
12. Маслоу А.Г. Мотивация и личность; Пер. с англ. А.М. Татлыбаева; вступ. ст. Н.Н. Акулиной. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
13. Погудина Е.Ю. Микроподход к организационному поведению // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 171-173.
14. Ромашкина Г.Ф., Ушакова Ю.В. Взаимосвязь социальных факторов и удовлетворенности условиями работы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2018. № 1 (61). С.182-195.
15. Савченко И.А. «Женское» и «не женское» лица войны в фокусе духовных ориентиров наших современников // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях. Ответственный редактор Н.Л. Пушкарева, составитель А.И. Громова. 2020. С. 280-283.
16. Савченко И.А. Интеграция женских типов в концепте «героид»: социокультурные контексты и динамика // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3. С. 156-162.
17. Савченко И.А., Горбачев В.В. Образовательные контексты профессиональной мотивации сотрудников полиции в фокусе гендерных различий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 151-155.
18. Толочек В. А. Ритмология профессиональной карьеры: эмпирические и методологические основания научного подхода // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Психология. 2015. № 1.(17). С. 3-10.
19. Толочек В.А. Социально-демографические доминанты темпоральных характеристик карьеры // Известия Саратовского университета.

- Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 3 (19). С. 121-128.
20. Фромм Э. *Иметь или быть?* М.: АСТ: Астрель, 2011. 314 с.
 21. Хасбулатова О.А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // *Женщина в российском обществе*, 2018. № 4. С. 49-59.
 22. Ans De Vos, Beatrice IJM Van der Heijden, Current thinking on contemporary careers: the key roles of sustainable HRM and sustainability of careers // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Volume 28, October 2017. P. 41-50. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.07.003>.
 23. *Gendered Approaches to Spatial Development in Europe: Perspectives, Similarities, Differences* / by Barbara Zibell (Editor), Doris Damyanovic (Editor), Ulrike Sturm (Editor). (Routledge Studies in Gender and Environments). Milton Park, Abingdon: Routledge; 1st edition. 2019. 276 p.
 24. *Global Gender Gap Report (2020)*. [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (дата обращения 22.01.2021).
 25. *Hard-to-Survey Populations* / Eds.: R. Tourangeau et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 676 p.
 26. *Jobs, Careers, and Callings: People's Relations to Their Work* / A. Wrzesniewski et al. // *Journal of Research in Personality*. 1997. Vol. 31. № 1. P. 21–33.

References

1. Bekarev A.M., Lazukova E.A. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. 2015. Vol. 17, No. 1-2. P. 160-166.
2. Belova O.E., Gurieva S.D. *Materialy sbornika statey uchastnikov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh «Psikhologiya XXI veka: aktual'nye vyzovy i dostizheniya»* [Materials of the collection of articles of the participants of the international scientific conference of young scientists "Psychology of the XXI century: actual challenges and achievements"]. SPb: Publishing house of LLC "Scythia-print". P. 175-183.
3. Bocharova E.E. *Problemy sotsial'noy psikhologii lichnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of social psychology of personality: interuniversity. Sat. scientific. tr.]. Saratov, 2012. Issue 10. P. 121-128.

4. Voronina O.A. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society], 2013. No. 3. P. 12-20.
5. Garipova L.G. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika [News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics]. 2010. No. 2. P. 22-23.
6. Gurieva S.D., Udavikhina U.A. Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii [Herzen Readings: Psychological Research in Education]. 2020. Issue 3. P. 270-273.
7. Gutsikova S.V. Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoy psikhologii i ergonomiki [Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics] / ed. A. A. Oboznova, A. L. Zhuravleva. M., 2014. Issue. 6. P. 125-139.
8. Kazantseva T.V., Gurieva S.D., Mararitsa L.V. Peterburgskiy psikhologicheskii zhurnal [Petersburg Psychological Journal]. 2020. No. 3. P. 35-52.
9. Kozlova Yu.V., Savchenko I.A., Gorokhova A.M. Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern studies of social problems]. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 182-203.
10. Korchagina G.I., Makarova E.V. Kontsept [Concept]. 2016. Vol. 32. P. 94-106. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56671.htm>.
11. Mararitsa L.V., Gurieva S.D., Kazantseva T.V. Psikhologiya cheloveka v obrazovanii [Human psychology in education]. 2019. Vol. 1, No. 1. P. 44–52.
12. Maslow A.G. Motivatsiya i lichnost [Motivation and personality]; Per. from English A.M. Tatlybaev; entry Art. N.N. Akulina. Saint Petersburg: Eurasia, 1999. 478 p.
13. Pogudina E.Yu. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2013. No. 373. P. 171-173.
14. Romashkina G.F., Ushakova Yu.V. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» [Bulletin of Omsk University. Series “Economics”]. 2018. No. 1 (61). P. 182-195.
15. Savchenko I.A. Zhenskoe i muzhskoe v traditsionnoy i sovremennoy kul'ture: sokhranenie, fiksatsiya, ponimanie. Materialy XIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IEA RAN [Feminine and masculine in traditional and modern culture: preservation, fixation, understanding. Materials of the XIII International Scientific Conference of RAIZH and IEA RAS]. In 2 parts. Responsible editor N.L. Pushkarev, compiled by A.I. Gromova. 2020. P. 280-283.

16. Savchenko I.A. Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern studies of social problems]. 2010. No. 3. S. 156-162.
17. Savchenko I.A., Gorbachev V.V. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2020. No. 3 (51). P. 151-155.
18. Tolochek V.A. Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya Psikhologiya. 2015. No. 1. (17). P. 3-10.
19. Tolochek V.A. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2016. Vol. 5, no. 3 (19). P. 121-128.
20. Fromm E. Imet' ili byt'? [To have or to be?]. M.: AST: Astrel, 2011. 314 p.
21. Khasbulatova O.A. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian society], 2018. No. 4. P. 49-59.
22. Ans De Vos, Beatrice IJM Van der Heijden, Current thinking on contemporary careers: the key roles of sustainable HRM and sustainability of careers. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Volume 28, October 2017. P. 41-50. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.07.003>.
23. *Gendered Approaches to Spatial Development in Europe: Perspectives, Similarities, Differences* / by Barbara Zibell (Editor), Doris Damyanovic (Editor), Ulrike Sturm (Editor). (Routledge Studies in Gender and Environments). Milton Park, Abingdon: Routledge; 1st edition. 2019. 276 p.
24. *Global Gender Gap Report (2020)*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (date of treatment 01/22/2021).
25. *Hard-to-Survey Populations* / Eds.: R. Tourangeau et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 676 p.
26. Jobs, Careers, and Callings: People's Relations to Their Work / A. Wrzesniewski et al. *Journal of Research in Personality*. 1997. Vol. 31. No. 1. P. 21-33.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Савченко Ирина Александровна, доктор социологических наук, доцент, начальник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований»; профессор кафедры психологии и педагогики

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Нижегородская Академия МВД РФ
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000, Российская Федерация; Анкудиновское шоссе, 3, г. Нижний Новгород, 603144, Российская Федерация
teosmaco@rambler.ru*

Козлова Юлия Владиславовна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований»
*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000 Российская Федерация
Iris08@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTORS

Savchenko Irina Aleksandrovna, Dr. Habil. (Sociology), Head of the International Cross-Disciplinary Laboratory “Research Methods in Social Science”, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and the Theory of Social Communication; Professor of the Department of Philosophy
*Linguistics University of Nizhny Novgorod; Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior Affairs of Russia
34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation; 3, Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation
teosmaco@rambler.ru*

Kozlova Yulia Vladislavovna, PhD (Pedagogy), Senior Research Associate of the International Cross-Disciplinary Laboratory “Research Methods in Social Science”
*Linguistics University of Nizhny Novgorod
34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation
Iris08@yandex.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://rjep.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

| | |
|--------------------------------------|---|
| Объем рукописи | 7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10. |
| Поля | все поля – по 20 мм |
| Шрифт основного текста | Times New Roman |
| Размер шрифта основного текста | 14 пт |
| Межстрочный интервал | полуторный |
| Отступ первой строки абзаца | 1,25 см |
| Выравнивание текста | по ширине |
| Автоматическая расстановка переносов | включена |
| Нумерация страниц | не ведется |
| Формулы | в редакторе формул MS Equation 3.0 |
| Рисунки | по тексту |
| Ссылки на формулу | (1) |
| Ссылки на литературу | [2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания |

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://rjep.ru/en/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

| | |
|---------------------------|--|
| Volume of the manuscript | 7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10. |
| Margins | all margins –20 mm each |
| Main text font | Times New Roman |
| Main text size | 14 pt |
| Line spacing | 1.5 interval |
| First line indent | 1,25 cm |
| Text align | justify |
| Automatic hyphenation | turned on |
| Page numbering | turned off |
| Formulas | in formula processor MS Equation 3.0 |
| Figures | in the text |
| References to a formula | (1) |
| References to the sources | [2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text |

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ
ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Мальцева А.А...... 7

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО
ЗНАНИЯ

Разумова Л.В...... 17

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В ПРОСТРАНСТВЕ КАРЬЕРНОГО
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Савченко И.А., Козлова Ю.В...... 31

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 55

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL STUDIES

| | |
|--|----|
| PERSONAL FEATURES OF PARENTS RAISING DISABLED CHILDREN Maltseva A.A. | 7 |
| LANGUAGE REPRESENTATIONS AS A FORM OF SOCIAL KNOWLEDGE Razumova L.V. | 17 |
| MALE AND FEMALE IN THE SPACE OF CAREER MUTUAL PERCEPTION Savchenko I.A., Kozlova Yu.V. | 31 |
| RULES FOR AUTHORS | 55 |

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.
Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology
are always open and free access.
Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://rjep.ru/>

Подписано в печать 28.12.2020. Дата выхода в свет 28.12.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ RJEP116/020. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.